

81.63

к Д26

19750-к

КР

СОЛЫНЬ АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На правах рукописи

ДЕГТЯРЕВ Геннадий Анатольевич

ЛЕКСИКА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.06 — Тюркские языки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 1987

Обязат. экз.

Работа выполнена на кафедре тюркской филологии восточного факультета Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. А. Жданова.

Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор С. Н. ИВАНОВ

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор К. М. МУСАЕВ
кандидат филологических наук
С. А. ОРЛОВ

Ведущая организация — Чувашский государственный университет
им. И. Н. Ульянова

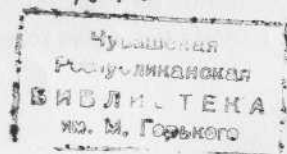
Защита диссертации состоится « . . . » 1987 г.
на заседании специализированного совета Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языкознания АН СССР (103009, Москва, К-9, ул. Семашко, д. 1/12).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания АН СССР.

Автореферат разослан « . . . » 1987 года.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат филологических наук

Г. И. ЕРМУШКИН.

81.63
К
А 26
Реферлируемая диссертация представляет собой первый опыт системного анализа чувашской народной сельскохозяйственной терминологии.

При анализе материала автор исходит из того, что лексика земледелия представляет собой не простую сумму разрозненных наименований, а совокупность тематических подгрупп разного объема, в той или иной степени внутренне организованных и связанных общностью основной семантики.

Земледельческая лексика включает следующие предметно-тематические подгруппы, имеющие специфические языковые особенности: 1) названия культурных растений; 2) названия сорнополевых трав; 3) названия морфологических частей растений; 4) названия процессов онтогенеза и физиологических свойств сельскохозяйственных культур; 5) названия сельскохозяйственных работ; 6) названия земледельческой техники; 7) названия частей земледельческих орудий и других предметов, связанных с земледелием; 8) названия способов и средств хранения урожая; 9) названия народных единиц измерения, применяемых в земледелии.

В диссертации особое внимание уделяется названиям культурных растений и сорнополевых трав, наименованиям морфологических частей, этапов роста (процессов онтогенеза) и физиологических свойств культурных растений, а также названиям сельскохозяйственных работ, связанных с уходом за сельскохозяйственными культурами. Это обусловлено тем, что указанные подгруппы земледельческой лексики в соответствии со спецификой обозначаемых понятий не потеряли своей актуальности и в наши дни, поэтому изучение их имеет не только определенное научно-теоретическое, но и прикладное значение при систематизации современной чувашской агроботанической терминологии.

Цель исследования — раскрытие номинативной структуры чувашской лексики земледелия. В связи с этим в работе рассматриваются следующие конкретные проблемы: 1) отличие разговорно-бытовой номинации (народной номенклатуры) от научной; 2) способы и средства языкового выражения понятий, связанных с земледелием; 3) принципы мотивации названий; 4) универсальные и специфические структурно-семантические модели земледельческих терминов; 5) закономерности смысловых и формальных связей между компонентами составных наименований; 6) способность номинативных единиц к взаимозаменяемости; 7) культурно-исторические основания возникновения земледельческих терминов; 8) связь народной земледельческой терминологии с

современными научными терминологиями сельского хозяйства (растениеводства) и биологии (ботаники).

Источниками материала для исследования послужили "Словарь чувашского языка" Н.И. Ашмарина, "Диалектологический словарь чувашского языка" Л.П. Сергеева, "Материалы по чувашской диалектологии" (вып. I-4. Чебоксары, 1960-1971). Использованы также двуязычные словари чувашского языка и материалы, собранные автором на территории Чувашской АССР в 1979-1984 гг.

В диссертации основным направлением изучения сельскохозяйственной лексики является ономаσιологическое. В целях всестороннего анализа средств номинации и взаимоотношений между ними, раскрытия внутренней организации тематической группы и специфики самостоятельных подгрупп ономаσιологический подход дополняется семасиологическим, а в некоторых случаях и этимологическим, анализом.

Научная новизна диссертации состоит в следующем: 1) в ней с учетом последних работ по теории номинации (В.Г. Гака, Г.В. Колчанского, Е.С. Кубряковой, В.М. Никитевича, Б.А. Серебренникова, В.Н. Телия; И.С. Торопцева, А.А. Уфимцевой и др.) и лексикологических исследований тюркологов (Р.Г. Ахметьянова, Л.В. Дмитриевой, Ю. Дмитриевой, Н.И. Егорова, Л.С. Левитской, К.М. Мусазва, М. Пенджиева, М.И. Скворцова и др.) впервые предпринята попытка ономаσιологического исследования словарной тематической группы-лексики земледелия - чувашского языка; 2) показана самостоятельная номинативная значимость составных и семантически производных наименований; 3) теоретически осмыслен новый языковой материал: названия сорнополевых растений (сорняков-апофитов, сорняков-антропихоров), наименования, отражающие морфологию, онтогенез и физиологию сельскохозяйственных культур, и др.; 4) на основе психолингвистических экспериментов с использованием гербариев и определителей растений установлены или уточнены значения архаизованных названий сорнополевых трав.

Результаты исследования вносят определенный вклад в решение таких общезыковых проблем, как закономерности прямой и косвенной номинации, организация лексико-семантической системы языка.

Совокупность рассматриваемых автором конкретных случаев номинации имеет прямое отношение к большой и важной теме - к теории происхождения языковых значений и закономерностей, действующих в этой сфере языковой истории.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы и результаты исследования могут использоваться в лексикографической практике: при составлении словаря сельскохозяйственных терминов, толкового, историко-этимологического и диалектологического словарей чувашского языка, а также при чтении вузовских курсов лексикологии и истории чувашского языка, спецкурса по ономаσιологии.

Изучение народной сельскохозяйственной терминологии может способствовать решению проблем унификации и упорядочения современной чувашской агроботанической терминологии, а также помочь установлению путей и средств номинации новых понятий, связанных с земледелием, сельским хозяйством.

Актуальность проведенного исследования определяется его практической направленностью, теоретическим осмыслением нового языкового материала, опытом раскрытия внутренних механизмов и культурно-исторических оснований возникновения и функционирования в языке народных терминов.

Апробация работы. По содержанию диссертации были сделаны доклады и сообщения на заседаниях кафедры тюркской филологии восточного факультета ЛГУ им. А.А. Еданава и отдела языка НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, Итоговой конференции преподавателей Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова /Чебоксары; февраль, 1986/, Лу Межвузовской конференции молодых ученых /Ленинград; май, 1986/. Работа обсуждена и рекомендована к защите кафедрой тюркской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Еданава.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списков литературы (172 наименования), источников материала, названий языков.

Содержание работы

Во Введении обосновывается тема исследования и ее актуальность, определяются объекты, цель и задачи работы, ее научная новизна и практическая значимость, дается краткая история развития земледелия у чувашей.

Первая глава - "Способы и средства языкового выражения понятий, связанных с земледелием" - состоит из четырех разделов. В этой главе анализируются основные типы и виды названий, ха-

ракетные для данной тематической группы.

Как известно, каждый язык имеет свою особую систему номинации, употребляет различные номинативные формы с различной интенсивностью. Продуктивность способов номинации, их соотношение неодинаковы не только в различных языках, но и в одном языке в различные периоды его развития, а также в плане синхронии — в различных частях лексики. К тому же и сами потребности номинирования объектов в различных языковых коллективах, в различных районах бывают различными.¹

Чувашская земледельческая лексика включает названия, образованные путем аффиксации, деривационного сочетания слов, семантических переносов и заимствования. В зависимости от типа номинации земледельческие термины могут быть цельнооформленными (синтетическими) и раздельнооформленными (аналитическими).

Особую группу составляют первообразные наименования. В современном языке они осознаются как морфологически непроемкие и семантически немотивированные номинативные знаки. Некоторые из них носят общетюркский характер (в частности, названия основных земледельческих операций: ак — "сеять", выр — "жать", савар — "веять зерно" и т. д.), другие (как, например, сурла "серп", кикен "чемерица") имеют параллели лишь в финно-угорских языках. Определенная часть земледельческих терминов, употребляемых в чувашском языке, характерна для всего Волго-Камского региона:

чув. капан — тат. кибэн, кабэн — мар. каван — удм. кабан "кладь"; "стог";

чув. кёлте — тат. келте — мар. кылта, кылте — удм. культо "сноп";

чув. пукра — тат. бакра (ср.: укра) — мар. покро — удм. бокро "куколь", "плевел";

чув. пусă — тат. басу — мар. пасу (попо) — удм. бусы "поле" и др.

Другой тип цельнооформленных наименований — аффиксально производные названия. Индивидуальное лексическое значение производного слова в отличие от первообразного не монолитно, а складывается из значения мотивирующей (производящей) основы и значения словообразовательного типа с определенным формантом.

В чувашской земледельческой лексике имеются названия, обра-

зованные с помощью аффиксов -ла, -кăч/-кăс, -ă, -мак, -кă, -лăх, -ма, -чăк, -ăм, -сă. Продуктивными являются форманты -ла и -кăч/-кăс, -сă, -лăх.

Дериваты с -ла/-ле могут иметь следующие мотивирующие признаки:

а) действовать с помощью орудия, названного исходной основой: катмак "мотыга" — катмакла — "мотыжить, разрыхлять землю"; лапатка "брусок для точения кос" — лапаткала — "точить косу";

б) производить процесс, названный исходной основой: суха "пахота" — сухала — "пахать"; яровизаци "яровизация" — яровизациле "яровизировать (семена, картофель)";

в) выполнять работу, направленную на ликвидацию (устранение) того, что названо исходной основой: сум "сорняк" — сумла — "полоть"; хăлчăк "ость колоса" — хăлчăкла — "шелушить";

г) подвергать действию того, что названо исходной основой: имсам "ядохимикаты", "гербициды" — имсамла — "обрабатывать гербицидами (посевы)"; тислѣк "навоз" — тислѣкле — "унавоживать почву";

д) выполнять работу, направленную на достижение определенного результата, названного исходной основой: кăшăл "ворох обмолоченного зерна" — кăшăлла — "сгребать, складывать зерно в ворох"; капан "копна, стог" — капанла — "копнить, стоговать".

Аффикс -кăч/-кѣч/-кăс/-кѣс образует от глагольных основ названия земледельческих орудий или их частей. В основе номинации — назначение предмета (орудия или составной части орудия): пус — "копать", "взрыхлять" — пускăч "деревянная лопата", сăп — "бить", "молотить" — сăпкăч "било цепа", тят — "держать", "править" — тяткăч (тяткăс) "рукоятка у сохи".

Средства номинации языка не сводятся к лексической номинации, т. е. номинации посредством слов, немаловажную роль в нем играет синтагматическая номинация, или, по-другому, номинация посредством словосочетаний. В ономастологической литературе словосочетания, выполняющие номинативную функцию и имеющие более или менее устойчивый терминологический характер, именуются по-разному, в реферированной диссертации они обозначены термином "составные наименования" ("составные термины").

Самые распространенные структурные типы составных земледельческих терминов: существительное + существительное + аффикс принадлежности (изафет Н) и существительное + глагол.

По степени семантической спаянности компонентов составные

¹ Способы номинации в современном русском языке М.: Наука, 1982, с. 30, 140.

земледельческие термины могут быть устойчивыми или относительно свободными.

Составные наименования с относительно свободной связью компонентов являются видовыми обозначениями понятий, или, по-другому, служат средством дальнейшей дифференциации сходных предметов (явлений); ср.: кёресе "лопата" – сáвэр кёреси "веяльная лопата (специальная лопата, которой веет хлеб)", сёрулми кёреси "деревянная лопата для копания картофеля"; лйав "веревка" – суха пайвё "подвой (веревка, которой закручивается рассоха)". В названиях этого типа опорный компонент указывает на принадлежность обозначаемого объекта к определенному ряду однородных предметов, а дефинитивный компонент – на существенный и непреходящий признак объекта, отличающий данную разновидность от других членов объединяющего их ряда. В конкретной речевой ситуации опорный компонент такого названия может взять на себя семантическую нагрузку всего составного наименования: илсе кил-ха сав кёресене – "принеси-ка (мне) ту лопату", вместо: илсе кил-ха сав сáвэр кёресине – "принеси-ка (мне) ту веяльную лопату".

Составные наименования с устойчивой связью компонентов способны указывать на внеязыковую действительность лишь при совместной реализации обоих компонентов, т.е. автосемантия опорного компонента здесь не допускается. Это связано с тем, что в названиях подобного типа дефинитивные компоненты служат не для дифференциации однородных предметов, а для различения или противопоставления предметов, принадлежащих к разным логико-понятийным (логико-предметным) рядам; ср.: сáва "коса" – сум сáви "мотыга", букв. "коса (для) сорняков"; сáрэк "репа" – анра сáрэк "сурепица обыкновенная", букв. "дурная репа"; хурлэхан "смородина" – йёплё хурлэхан "крыжовник", букв. "смородина с шипами".

Обычно считают, что номинация посредством словосочетаний "выступает как "запасной" способ наименования, компенсирующий недостаточность словообразовательных средств".¹ Однако, как показывает анализ составных земледельческих терминов, составные

¹ Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977, с. 238; ср.: Маловицкий Л. Я. Номинативное и деиктическое значение. В кн.: Языковые значения. Л., 1976, с. 87; Павел В. К. Лексическая номинация (на материале молдавских говоров). Кишинев, 1983, с. 70.

наименования в чувашском языке обладают самостоятельной номинативной значимостью. Оно широко используется для отражения родо-видовых отношений и дифференциации понятий.

Асимметрия языкового знака, плана выражения и плана содержания проявляется в том, что один и тот же признак денотата может выражаться в языке с помощью различных видов наименований. К примеру, значение "пахать" передается названиями сухала- и сухату. В первом случае производное значение выражено аффиксом -ла, а во втором – лексическим эквивалентом аффикса, глаголом ту- "делать, совершать". Ср. также: сумла "полоть" и сумран тасат "полоть, очищать от сорняков".

Значительное место в чувашской земледельческой лексике занимают термины, образованные путем семантической деривации. Этот способ номинации в самом общем виде можно определить как перенос "старого" имени – т.е. имени предмета (или явления), уже освоенного человеческим сознанием – на новый объект, который впервые вовлечен в практику, впервые выделен из общей массы сходных фактов действительности и т.п. В результате семантической деривации в языке появляется новая ономастическая единица, имеющая свой денотат, автономные семантические связи, хотя формальная структура (материальная оболочка) производного названия ничем не отличается от исходного, чаще всего первообразного, названия.

Наиболее распространенный вид семантически производных наименований в чувашской земледельческой лексике – метафорические образования. Основанием для метафорического переноса могут быть:

- а) сходство по функции (назначению): сёсё "нос" – сёсё "резец плуга"; хутаç "мешочек" – хутаç "стручок (перца, гороха)";
- б) сходство по месту нахождения: хуре "хвост" – хуре "последняя полоска хлеба на определенном участке поля, которую жнет один жнец"; кáвапа "пупок" – кáвапа "ручка косовища";
- в) сходство по цвету: сёт "молоко" – сёт "млечный сок незрелого зерна, конопляного семени"; янтымар "кровеносный сосуд" – янтымар "прожилки на стеблях ржи";
- г) сходство по форме: упа чёрни "когти медведя" – упа чёрни "орудие для прополки грядок"; йытá йáви "собачья конура" – йытá йáви "способ кладки снопов" и др.

Мотивирующими признаками глагольных метафор являются характер действия: шáвар- "поить" – шáвар- "поливать растения"; особенности протекания действия: пáчáкса вид- "задохнуться" – пá-

чакса вил- "потерять всхожесть (о семенах в почве)"; результат действия: тӑран- "наесться досыта" - тӑран- "наливаться (об орехах)". Метафорический перенос наименования может совершаться и на основе общих (или сходных) впечатлений, опосредованных ассоциаций.

Семантические дериваты, как и другие виды названий обладают самостоятельной номинативной значимостью, однако в некоторых случаях они могут выступать в качестве синонимов более употребительных прямых наименований, ср.: капан ури (букв. "ноги стога") и капан айӑ "подстожье", сухапӑс майраки (букв. "рога сохи") и сухапӑс аври "ручки сохи"; кукша (букв. "плешь, лысина") и сара вырӑн "обсевок". Метафорические наименования нередко используются в целях более конкретного, дифференцированного обозначения предметов и явлений. Например, сара аври может обозначать и косовище, и ручку косовища, а наименование-метафора сара кавали (букв. "пупок косы") имеет лишь второе значение; также купӑста суначӑ (букв. "крыло капусты") в отличие от купӑста сӑлси "лист капусты" является только названием нижних листьев капусты.

Метафорические образования могут представлять собой и слово, и сочетание слов (двухкомпонентные метафоры). В отличие от некоторых лингвистических и литературоведческих работ в реферируемой диссертации под двухкомпонентной (бинарной) метафорой понимаются не конструкции типа пламя танцует, ржавые травы, а названия, образованные путем метафорического переноса словосочетаний, например, йӑтӑ пӑрши "вьюнок полевой", букв. "собачьи кишки"; хур карти "способ кладки снопов", букв. "вереница гусей". В результате метафорического переноса словосочетание со свободной связью компонентов становится термином, значение которого не сводится к сумме значений составляющих его компонентов.

Метонимические переносы наименований, как правило, происходят в пределах тематической группы и отличаются однородностью и регулярностью. Кроме многочисленных названий, образованных по семантической модели "культурное растение" - "морфологическая часть растения (плод, зерно, цветок)" в сельскохозяйственной лексике встречаются метонимические наименования типа "действие" - "результат действия" (суха "пахота", "пашня"), "действие" - "время действия" (ака "сев", "время сева"), "материал" - "изделие из него" (тимӑр "железо", "сошник").

В последнем разделе главы рассматриваются сельскохозяйственные термины иноязычного происхождения: русские, татарские, марийские заимствования.

Термины, заимствованные из русского языка устным путем, подверглись значительным изменениям: фонетическим (подчинение акцентологии чувашского языка и закону сингармонизма, устранение стечения нескольких согласных в начале слова постановкой редуцированных гласных *ӑ* или *ӕ*, замена звонких шумных согласных *б, г, д, ж, з* соответствующими глухими, выпадение в заимствованном слове родовых окончаний и др.) и семантическим (расширение или сужение прежнего объема значений, замена исходного лексического значения новым). Ср.: рус. просега - чув. пракак "широкая межа, проросшая травой"; рус. соха - чув. суха "пахота", "пашня", "время пахоты"; рус. овин - чув. авӑн "овин (место для сушки хлеба)", "насад (снопы во время сушки и обмолаота)", "молотба"; рус. озимь - чув. диал. усӑм "всходы ("озимь", "отаза", "рассада)". Интересно отметить, в отдельных говорах некоторые из заимствованных слов и их чувашские соответствия образуют изафетные сочетания и в качестве составного наименования служат обозначением части того предмета, который они обозначают каждый в отдельности в соответствующем языке: сухан лукки (сухан "лук" + лук + аф. принадл. -и) "листья лука", сӑпӑсск топачи (сӑпӑсск "дубец" + топач (рус. дубец) + аф. принадл. -и) "било цепа".

Поскольку при проникновении сельскохозяйственных терминов из русского языка в чувашский в настоящее время посредниками являются средства массовой информации, новозаимствования, как правило, сохраняют в чувашском языке свою семантику, а также полностью или с небольшими изменениями - произносительно-звуковой облик. В условиях возрастания роли русского языка как средства межнационального общения русские заимствования в рассматриваемой тематической группе часто оказываются более жизнеспособными, чем чувашские новообразования с тем же значением.

Названиям автохтонного характера в маргинальных и островных говорах нередко соответствуют заимствованные термины. Например, ср.:

чув. лит. акапӑс - чув. диал. сапан "примитивный плуг, сабан" < тат. сабан;

чув.лит.кутас - чув.диал.кусак "отручок" < тат. кузак;
чув.лит.шавалэх - чув.диал.тәрәшпа "полог (для зерна)" <
тат. торпаша и др.

Широкий ареал распространения в чувашском языке получили татарские заимствования: ясмăх "чечевица", кардав "деревянная лопата для копания картофеля", тислĕк "навоз", кăрач "неплодородный, скудный" (о почве), килĕк "шелуха, мякина" и др.

Земледельческих терминов, заимствованных из марийского языка, немного. Они в основном сосредоточены в северо-западном говоре верхнего диалекта.

Заимствуются обычно названия предметов - имена существительные, которые в случае необходимости становятся базой для образования соответствующих глагольных наименований: сука "суха" - сукала, сука ту "пахать", лапатка "лопатка (друсок для точения кос)" - лапаткала - "точить косу".

Иногда земледельческий термин автохтонного характера и заимствованное слово существуют в языке параллельно, отличаясь оттенками значения, особенностями употребления; ср.: уй сулĕ "полевая дорога" - стула (рус. обл. "дорога меж загонов") "дорога между кошами загонов"; кĕресĕ "лопата" - сасгун "деревянная лопата для копания картофеля". Дикорастущие травянистые растения клевер красный, вика (горошек посевной), тимофея, дугосая, костер безостый имеют собственно чувашские названия, а для обозначения культурных сортов этих трав применяются русские заимствования.

Вторая глава - "Названия культурных растений и сорнополевых трав" - состоит из пяти разделов.

В первых двух разделах главы автор попытался раскрыть происхождение и структурно-семантические особенности названий полевых, огородных и садовых культур.

Многие названия сельскохозяйственных культур принадлежат к числу "культурных слов", имеют параллели в языках различных групп: тюркских, иранских, монгольских, финно-угорских и др.

Интересно отметить, что слова пары "полба", вир "просо" сохранили в чувашском более древние, чем в других тюркских языках, значения.

Далее в главе с привлечением большого фактического материала анализируются названия сорнополевых трав. Характерной особенностью названий сорняков-антропохоров (типичных сорня-

ков) является то, что эти фитонимы наряду с предметно-понятийным значением (концептуальным ядром) в свою семантику включают эмоционально-оценочную - пейоративную - коннотацию.

Наиболее типичная модель названий сорняков-антропохоров - пейоративный эпитет + название культурного растения: анра сарăк "сурепица обыкновенная", букв. "дурная репа" (ср.: тур. ешек-турпу "сурепица обыкновенная", букв. "ослиная редька"); хура пăрса "паслен черный", букв. "черный горох" (ср. тур. итүзүмү или кблэкүзүмү "паслен черный", букв. "собачий виноград"). В качестве пейоративного эпитета в названиях сорных трав могут выступать: а) собственно оценочные слова, б) слова, совмещающие оценочный смысл с дескриптивным, в) слова, приобретающие оценочный смысл в данном сочетании. Для выражения негативной оценки наиболее часто используются наименования птиц и домашних животных. Автор доказывает, что компоненты-составные в фитонимах подобного типа в большинстве случаев не лишены "всех семантических связей с родственными словами" и не могут "свободно заменять" друг друга¹, субъективный и объективный элементы оценочного значения представляют собой диалектическое единство.

Сорнополевым растениям, как и другим предметам действительности, присуще большое количество разнообразных признаков. В качестве основы номинации могут быть выбраны как признаки, имеющие социальную значимость, так и признаки, служащие лишь целям дифференциации.

Для номенклатуры сорняков-апофитов характерны названия, отражающие сходство части травы с частью тела животного, применение растения в народной медицине. Фитонимы, отражающие признаки "вкус", "запах", "место произрастания" встречаются здесь редко. Наименования типа сар чечек (букв. "калгий цветок"), хит курăк (букв. "жесткая трава") не могут закрепиться за определенным видом (остаются ситуационными обозначениями), поскольку в их основу положены малообразительные признаки. Пожалуй, самыми полисемантическими, недифференцированными являются названия сорных трав, мотивированные по признаку цвета.

¹ Ср.: Меркулова В.А. Связки по народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967, с. 89, 147.

В последнем разделе главы народная номенклатура сорнополевых трав освещается в сравнении с научной систематикой растений. В отличие от биномиальных терминов, принятых в международной научной систематике растений, количество компонентов в чувашских названиях сорных трав может быть различным (от одного до четырех). Простые фитонимы, в целом представляющие собой наиболее древний пласт этой лексики, явились базой для образования новых названий: писен "бодяк полевой" — сётлэ писен "осот полевой", талписен "чертополох", суй писен "серпуха неколючая" и др. Гнезда одинаково оформленных названий с общим компонентом отвечают требованию системности и структурного единства терминов. Однако в научной систематике растений их невозможно использовать в готовом виде, поскольку общий компонент в народных названиях не является свидетельством принадлежности обозначаемых растений к одному биологическому роду.

Одним из характерных отличий народной номенклатуры растений от научной является также отсутствие однозначности (полисемия фитонимов). Недифференцированное обозначение нескольких видов одним наименованием связано: с одной стороны — неразличением номинатором самих растений, неосознанным объединением их в одно понятие, с другой стороны — сознательным обобщением растений, имеющих идентичные функциональные свойства, переносом наименования с одного растения на другое. А неоднозначность народных фитонимов в плане лингвогеографическом, междialeктная омонимия связана с разобщенностью чувашских говоров в прошлом. Например, за названием сырлан (<сир- "цепляться", "обвиваться") "скрываются" травы различных семейств: подмаренник цепкий (лепчица), растение с целкими плодами липучка, паразитный сорняк повилка. А фитоним сётлэ курак (букв. "молочная трава") в зависимости от говора может обозначать и лакомую для животных сорную траву осот полевой и ядовитые растения рода молочай.

Терминологической обработке наименований сорнополевых трав наряду с недифференцированностью (семантической неустойчивостью) мешает дублетность фитонимов — наличие нескольких означаемых для одного означаемого. Лексическая дублетность фитонимов (к тому же она осложняется фонетико-морфологической и структурно-морфологической вариантностью фитонимов) проявляются по-разному:

а) параллельное употребление фитонимов, образованных на ос-

нове разнохарактерных мотивирующих признаков: квалификативного (собственного) и релятивного (относительного);

б) параллельное употребление фитонимов, мотивированных по однотипным признакам;

в) параллельное существование фитонимов, образованных различными способами;

г) использование "чередующихся" названий. Внешний вид и свойства растения в зависимости от вегетационного периода значительно меняются. Поэтому некоторые растения в одной и той же местности в начале лета носят одно название, а в конце — другое: серси кёпси — енёс или кулак кёпси — калемпёр "тмин обыкновенный". Некоторые сорные травы имеют целый ряд названий, непосредственно отражающих изменчивые признаки растения, соответствующие определенным периодам его вегетации. Например, названия одуванчика лекарственного: сар чечек (букв. "желтый цветок"), мамак курак (букв. "травя-пух"), кукуанус (букв. "листая головка").

Третья глава — "Названия морфологических частей, процессов онтогенеза, физиологических свойств и болезней сельскохозяйственных культур".

Здесь анализируются традиционные термины, связанные с морфологией, онтогенезом и физиологией культурных растений. Подавляющее большинство рассматриваемых названий представляют собой метафорические образования или составные наименования, включающие метафорический компонент. В диссертации отмечается историческая и социально-психологическая обусловленность основных типов метафорических наименований: антропоморфических, зооморфических и вещественных метафор.

Древние представления о единстве, своего рода родственности растений с людьми явились логической основой переноса наименований, передающих особенности облика, состояния и поведения человека на растения, которые им возделывались. Эти названия, закрепившись в народной агротехнической терминологии, в определенной степени предопределили характер ее дальнейшего развития:

1) названия морфологических частей сельскохозяйственных культур: пус "голова" — "колос", "видок капусты", "коробочка мака", "початок кукурузы"; сёмса "нос" — "росток семян", "росток на клубнях картофеля"; пал "зуб" — "долька лука-порея, чеснока"; хайха

"уни" — "первая пара листьев, появившаяся из семени огурца, тыкви"; сукал "борода" — "мочка яблока";

2) названия физиологических свойств и процессов онтогенеза культурных растений: тутá "сытый" — "полновесный (о колосе)", "надитой (о зерне)"; сáкáн — "преклонять колена, приседать" — "полегать (о хлебах)"; үсёрёл — "опьянеть" — "осыпаться (о зернах)" ватáл "состариться", "одряхлеть" — ватáл "отвердевать (о стеблях)" и др.

Ассоциация частей человеческого тела с морфологическими частями растений психологически обусловила использование названий кожных болезней для обозначения болезней растений: кёсен "хороста", "болячка" — "парша картофеля"; шатра "оспа", "сыпь" — "парша яблок"; сáпан "чирей (фурункул)" — "кила капуста" и т.д.

В результате метафоризации слово из одного семантического разряда переходит в другой и меняет свои валентные связи, словообразовательные возможности и некоторые собственно грамматические показатели.

Метафорические наименования строятся на психологических ассоциациях, а те в свою очередь определяются социальными и историческими причинами; условиями жизни носителей языка. Поскольку поздние ассоциативные связи наследуются на древнейшие, на нынешнем уровне развития языка практически невозможно отделить наименования, возникшие как непосредственное выражение аниматических или антропоморфических представлений, составлявших в свое время реальный аспект мыслительного процесса, от наименований, образованных под влиянием отработанных в языке семантических моделей. Все они являются генетическими метафорами и стилистически нейтральны. Стиранию образности способствовали частота их употребления в качестве терминов и наличие серии аналогичных образований.

Метафорические значения могут лексически обособляться с помощью формальных средств, которые обычно называются уменьшительными суффиксами. В метафорических образованиях в отличие от прямых наименований эти суффиксы отражают не величину обозначаемого предмета, а величину исходного содержания в семантически производном слове.

В конце главы рассматриваются новые термины, образованные по структурно-семантическим моделям, характерным для чуваш-

ской народной агроботанической лексики.

В Заключении обобщаются итоги исследования.

Чувашская народная земледельческая терминология — обширная по объему, разнообразная по набору единиц тематическая группа. Она включает все основные типы ономаσιологических единиц: аффиксально производные названия, составные наименования, семантически производные названия и заимствования.

Как показал анализ, доля аффиксально производных названий в чувашской земледельческой лексике относительно невелика. Аффиксальный способ номинации более активно использовался при обозначении земледельческих операций и орудий, земельных мер. По степени продуктивности выделяются аффиксы -ла, -рá, -лэх, -кáл/-кáч.

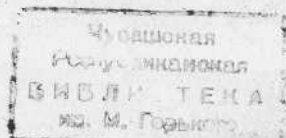
Составные наименования в рассматриваемой тематической группе не только обладают самостоятельной номинативной значимостью, но и являются наиболее продуктивным типом ономаσιологических единиц. Путем деривационного сочетания слов образованы обозначения разновидностей почв, подавляющее большинство названий сорнополевых трав, процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур.

Самый распространенный тип семантически производных названий — метафорические образования. Наименования-метафоры характерны для таких тематических подгрупп, как названия способов кладки снопов, составных частей земледельческих орудий и морфологических частей сельскохозяйственных культур, физиологических свойств и болезней культурных растений.

Среди терминов иноязычного происхождения значительное место занимают заимствования из русского языка, имеются также татарские, марийские заимствования и единичные термины, проникшие из других языков. В традиционной земледельческой терминологии основная часть заимствований сосредоточена в подгруппах: "названия культурных растений" и "названия земледельческих орудий".

Как показал анализ, чувашская лексика земледелия многослойное явление, включает напластования различных исторических эпох. Названия с актуальной внутренней формой здесь соседствуют с номинативными знаками с утраченной мотивацией.

В годы Советской власти в земледельческой лексике произошли существенные изменения. В результате исчезновения соответ-

ствутных объектов номинации многие названия, связанные с примитивной сельскохозяйственной техникой, устаревшими способами уборки, переработки и хранения урожая и т.п., архаизировались и вышли из употребления. В то же время рассматриваемая тематическая группа значительно обогатилась новыми терминами, отражающими современный уровень сельскохозяйственного производства. Большая часть их заимствована из русского языка или через его посредство из западноевропейских языков.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. Лексика земледелия в чувашском языке (метафорические образования). - В кн.: Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1986, с. 25-33.
2. О номинации трав в чувашском языке. - Советская тюркология. - Баку, 1986, № 1, с. 75-78.
3. Заимствования сельскохозяйственной лексики из русского языка в чувашский. - Вестник Ленинградского университета. Серия "История, языковедение, литературоведение". Л., 1986, вып. 2, с. 116-117.
4. Названия сорных растений в тюркских языках (на материале турецкого и чувашского языков). - В кн.: Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. М., 1986, т. 3, с. 62-63.

Подписано к печати 30.04.87. Формат 60x84/16. Объем I п.л.
Тираж 100 экз. Заказ 2111. Типография ЧГУ.